

**Александр Валентинович
Амфитеатров**

Паутина

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Александр Валентинович Амфитеатров

Паутина / Александр Валентинович Амфитеатров – М.: Книга по Требованию, 2011. – 134 с.

ISBN 978-5-4241-3296-4

Основой произведений Александра Амфитеатрова могла стать газетная вырезка, обрывок случайно услышанной беседы, скандал в московских аристократических кругах...

Александр Амфитеатров - автор стихов, драм, критических статей и романов - об артистах и священнослужителях, о "женском вопросе" и проституции, о сельских жителях и дворянских семьях.

ISBN 978-5-4241-3296-4

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Александр Валентинович.
Амфитеатров
Паутина

*Поэту житейской правды
Александру Ивановичу КУПРИНУ
съ дружествомъ
и любовью посвящаю этотъ романъ,
Александръ Амфитеатровъ.*

I

Весною 190* года, въ холодныя и дождливыя сумерки, по тихой окраинной улицѣ очень большого губернскаго города тихо пробирался, — щадя свои резиновые шины отъ колдобинъ и выбоинъ мостовой и осторожно объѣзжая лужи, которыя могли коварно оказаться невылазными провалами, — щегольской «собственный» фэтонъ, везомый парою прекраснѣйшихъ гнѣдыхъ коней въ строжайшей вѣнской упряжкѣ, но съ русскимъ бородатымъ кучеромъ-троечникомъ на козлахъ. Сочетаніе получалось смѣшное, но экипажъ принадлежалъ мѣстному руководителю моды, настолько признанному въ авторитетѣ своемъ, что не только никто изъ встрѣчныхъ прохожихъ и проѣзжихъ господъ интеллигентовъ, но даже ни единый изъ дворниковъ у воротъ, либо верхомъ на доживающихъ вѣкъ свой, архаическихъ тумбахъ, и лавочниковъ въ дверяхъ лавокъ своихъ, ни единый и никто не смѣялись. Напротивъ, всѣ провожали фэтонъ взглядами одобренія и зависти: вотъ это, дескать, шикъ такъ шикъ! Смѣшно было, кажется, только самому хозяину фэтона, губернскому Петронію, arbitre elegantiarum. То былъ маленькій, горбатый человѣчекъ, съ огромною головою, покрытою превосходнымъ парижскимъ цилиндромъ, — haut de forme, a huit reflets, — а ниже сверкали подъ золотымъ пэнснэ умные, живые, семитическіе глаза, бѣлѣлъ тонкій длинный носъ малокровнаго больногo человѣка, и роскошнѣйшая черная борода спускалась по груди на... русскій армякъ тончайшаго англійскаго сукна, украшенный... значкомъ присяжнаго повѣреннаго!..

— Вендль шикуетъ, — сказалъ, глядя на страннаго господина въ странномъ экипажѣ, изъ-за гераней, заростившихъ кособокай окна низенькой столовой, учитель городского, имени Пушкина, училища, Михаилъ Протопоповъ.

Тогда тощая, на зеленую кочергу похожая, жена его сорвалась изъ-за стола съ самоваромъ и бросилась къ окну, оставивъ безъ вниманія даже и то обстоятельство, что тяжело шмякнула о полъ дремавшаго на ея колѣняхъ, любимаго желтаго кота.

— А-а-а... скажите, пожалуйста... а-а-а..., — стонала она, покуда, медленнымъ и граціознымъ движеніемъ, точно танцую на своихъ четырехъ колесахъ классическій босоногий танецъ какой-нибудь, эластически влачилась мимо оконъ учительскихъ безукоризненный вѣнскій экипажъ. — Ну, до чего-же, однако, люди въ прихотяхъ своихъ доходятъ!.. удивленія достойно... а-а-а...

Супругъ внимательно гладилъ кустистую рыжую бороду и, не то съ сожалѣніемъ, не то съ умиленною гордостью, повторялъ:

— Шикуетъ, Вендль, шикуетъ... Жжетъ батькины денежки... Только, братъ, дудки! Сколько ни состязайся, Эмильки тебѣ не перешиковать...

Супруга безпокойно оглянулась на дверь въ кухню и, убѣдившись, что она плотно заперта, сказала мужу съ упрекомъ:

— Ты бы, Михаилъ, потише...

— А что? — пріосанился учитель Протопоповъ, услышавъ въ голосѣ жены

привычную ноту житейского трепета, на которую онъ, въ качествѣ мужчины, интеллигента и выборщика, долженъ приготовить привычную же ноту мужественнаго гражданскаго протеста. — Что я сказалъ особеннаго? Кажется, ничего.

— То, что нехорошо: какая она намъ съ тобою Эмилька? Не сломаешь языкъ назвать и Эмилией Ѳедоровной.

— Очень надо! Не велика пани. Обыкновеннѣйшая помпадурша изъ сочиненій Щедрина.

— Ужь этого я не знаю, изъ какихъ она сочиненій, но только Воздуховъ вылетѣлъ изъ-за нея со службы по телеграммѣ изъ Петербурга. А потомъ едва укланяли ее, чтобы генераль-губернаторъ простилъ, оставилъ его въ предѣлахъ губерніи. А Воздуховъ былъ не тебѣ чета: податной инспекторъ, со связями, свой домъ...

Учитель Протопоповъ взглянулъ на жену съ снисходительнымъ презрѣніемъ къ ея бабьему робкому разуму и возразилъ:

— Сравнила! Воздуховъ гулялъ передъ ея окнами въ пьяной обнаженности и, съ мандолиною черезъ плечо, спѣлъ ей испанскую серенаду. Это публичный скандалъ и притомъ было среди бѣлаго дня. За это, братъ, кого угодно. Каковъ ни есть нашъ городъ, но голымъ ходить по улицамъ и на мандолинѣ бряцать податному инспектору не полагается... А я что-же? Я въ четырехъ стѣнахъ...

— А, вотъ, подслушаетъ кто-нибудь, — такъ и будутъ тебѣ стѣны.

— Ѳедосья, что-ли, донесетъ?

— А то нѣтъ? — зловѣще кивнула госпожа Протопопова лысоватымъ пробормомъ бурыхъ и жиденькихъ волосъ своихъ. — Акцизный Ѳедоровъ черезъ кого въ политикѣ увязъ? Катька, горничная, любовника-сыщика имѣла. Ну, и обличилъ.

— Ну, тамъ политика... А я, кажется...

— То-то... кажется! — со вздохомъ заключила учительша, отходя отъ окна, такъ какъ интересный экипажъ уже исчезъ изъ виду за угломъ, и вновь подбирая на колѣни обиженнаго кога своего.

— Это Вендль опять къ Сарай-Бермятовымъ поѣхалъ, — сказалъ супругъ, присаживаясь къ самовару. — Часто ѣздить.

— Друзья съ Симеономъ Викторовичемъ-то, — почему-то вздохнула учительша, передавая мужу дымящейся стаканъ. — Съ университета товарищи.

— Товарищи! — недовѣрчиво ухмыльнулся учитель. — А я такъ думаю: онъ тамъ больше по барышенской части. Ты, Миня, не гляди на него, что онъ горбатый и, съ виду, въ чемъ душа держится. Этакого другого бабника поискать. Онъ, да еще вотъ Мерезовъ Васька. Два сапога пара — аѳинскія ночи-то устраивать.

— Для аѳинскихъ ночей извѣстно, кого нанимаютъ, — перебила учительша, не безъ досады. — А къ благороднымъ барышнямъ съ подобными пошлыми намѣреніями мужчина обратиться не можетъ. Это глупо и бесполезно — то, что ты говоришь. А ужъ въ особенности, что касается Сарай-Бермятовыхъ. Слава Богу, съ малолѣтства ихъ знаемъ. Аглаечка, конечно, красавица, и соблазнъ ей отъ вашей мужиной козлячей породы предстоитъ многій. Но характеръ у нея совсѣмъ не такой категоріи, чтобы какой-нибудь бабникъ вокругъ нея пообѣдалъ. Дѣвушка серьезная, — хоть Богу не молится, а живетъ святѣй иной монашенки. А Зочка еще ребенокъ, — что ей? Много, если пятнадцать минуло... Да и собой нехороша.

— Ребенок-то ребенок, — возразил супруг съ нѣсколько сконфуженною извѣтельностью, — но въ какой гимназіи этотъ ребенокъ воспитаніе свое получаетъ?

Госпожа Протопопова насторожилась:

— Извѣстно, въ какой: у Авдотьи Васильевны... Чѣмъ гимназія нехороша?

Протопоповъ захихикалъ надъ стаканомъ своимъ:

— Сегодня въ «Глашатаѣ» видѣлъ замѣтку, будто у китайцевъ въ Пекинѣ въ женской школѣ имени Лао Цзы открыта «лига любви»... Вотъ они каковы, ребята то ваши!

Госпожа Протопопова, въ волненіи, поставила чашку на блюдце, всплеснула худыми руками и трепетно опустила ихъ на кога своего, который, сквозь дремоту, вообразилъ, будто его ласкаютъ, а потому пренѣжно замурлыкалъ. А Протопоповъ многозначительно сказалъ:

— То-то вотъ и оно то... Эмилии Ѳедоровны школа... Прежде, чѣмъ въ помпадурши свихнуться, сколько времени она у Сарай-Бермятовыхъ гувернанткою была?... Ну-ка, посчитай.

Не получивъ отъ взволнованной супруги отвѣта, онъ вздохнулъ и продолжалъ, обжигаясь въ мѣрныхъ перерывахъ горячимъ чаемъ.

— Но, тѣмъ не менѣе, относительно Вендья я, дѣйствительно, такъ полагаю, что понапрасну мальчикъ ходить, понапрасну ножки бьеть... Еще, если бы годъ, два тому назадъ, то, по тогдашней бѣдности Бермятовыхъ, можетъ быть, и очистилось бы ему что нибудь...

— Женатому то? — съ негодованіемъ воскликнула супруга, и костлявые пальцы ея непроизвольно вонзились въ кога съ такою силою, что тотъ взвизгнулъ и, хвостъ трубою, дернулъ отъ хозяйки, однимъ прыжкомъ, черезъ всю комнату, на триповый синій диванъ. — Женатому то? Да ты, Михаилъ, съ ума сошелъ! Ты въ развратномъ настроеніи ума!

Но Михаилъ вдругъ почувствовалъ подъ собою твердую почву и осѣнилъсь вдохновеніемъ къ радикальнымъ идеямъ.

— Другъ мой Миня! — прочувствованно воскликнулъ онъ, — при нынѣшнемъ торжествѣ гражданскаго брака и расшатанности моральныхъ устоевъ, какое препятствіе можетъ быть бѣдной дѣвушкѣ въ дилеммѣ: ухаживаетъ за нею холостой женихъ или женатый претендентъ?... Теперь, конечно, все это — другой коленикоръ. Какъ скоро Симеонъ Викторовичъ отвоевалъ дядюшкино наслѣдство, — теперь, братъ, шалишь! Теперь дѣвицы Сарай-Бермятовы будутъ первыя по городу невѣсты... Поль-милліона, чистоганчикомъ, хватили Сарай-Бермятовы! Шутка! Теперь Аглаю съ Зоею женихи наши съ руками рвать будутъ...

— Наслѣдство прекраснѣйшее, — съ осторожностью замѣтила скептическая супруга, — но въдъ Аглаи съ Зоей оно мало касается. Я слыхала такъ, что главный капиталъ назначенъ по завѣщанію ему — Симеону, а сестрамъ и прочимъ братьямъ оставлено всего по несколько тысячъ...

— Ну, все-таки! По нынѣшнимъ нашимъ губернскимъ временамъ, когда невѣста стала дешевая, а женихи вздорожали, — и то хлѣбъ!..

Тѣмъ временемъ Вендль — господинъ въ армякѣ и въ цилиндрѣ, возбудившій эти супружескіе — господь Протопоповыхъ — разговоры, подѣхалъ въ вѣнскомъ экипажѣ своемъ съ русскимъ кучеромъ на козлахъ къ длинному, какъ

казарма или больница, одноэтажному дому, за заборомъ съ гвоздями, надъ которыми розгами торчали частые, еще безлистые тополя, а за тополями чернѣли стеклами, далеко не всегда цѣлыми, далеко не весьма опрятныя окна. По деревяннымъ мосткамъ, вдоль забора этого, спѣшно шагаль высокій господинъ, тоже въ армякѣ и въ цилиндрѣ, точнѣйше скопированныхъ съ Вендля: только значка присяжнаго повѣреннаго не доставало, да матеріаль одежи былъ грубѣе и хуже, дешевенкѣй. Увидавъ Вендля, господинъ всею фигурою своею выразилъ и смущеніе, и гордость перваго счастливаго подражателя и гоголемъ шель мимо, пока не исчезъ въ сѣрыхъ сумеркахъ, которыя лишь теперь и очень вдали, въ туманномъ центрѣ города, подъ горою, начали пестриться электрическими фонариками. Вендлю стало совсѣмъ весело.

— Максимъ! — откликнуль онъ кучера слабымъ, звенящимъ, дѣвичимъ почти, голосомъ.

— Чего изволите? — откликнулся тотъ съ козель, не оборачивая бородатаго лица.

— Видѣль?

Тотъ помолчалъ и сказалъ:

— Видѣль.

— Хорошь?

— Чего лучше!

Вендль залился тоненькимъ дробнымъ стекляннымъ смѣхомъ, грустнымъ, нѣжнымъ и переливчатымъ, — какъ тритоны звенятъ въ лѣтнихъ болотахъ.

— Выросъ въ соборную колокольню, а — увидаль на горбунчикѣ Вендлѣ цилиндръ и армякъ. — сейчасъ же и повѣрилъ, что такъ надо, и — давай себѣ!.. Экой дуракъ! Вотъ дуракъ! Ты не знаешь, кто такой?

Максимъ подумаль и улыбчивымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Да, кажись... какъ его, бѣса?.. Въ желѣзнодорожной конторѣ служить... Антифоновъ, что ли... песь ли ихъ разбереть!

Вендль еще ярче залился смѣхомъ, отчего звукъ смѣха сталъ еще грустнѣе, и продолжалъ:

— Ну, скажите, пожалуйста! Антифоновъ!.. Поповичъ по фамиліи, а за жидомъ тянется... Если мы съ тобою, Максимъ, еще съ недѣлку поѣздимъ такъ по городу, ты увидишь: всѣ наши здѣшніе чудаки вырядятся намъ подобными гороховыми шутами... А? Максимъ?

Максимъ качнуль кучерскою своею шляпою съ павлиньими перьями и отвѣчалъ равнодушнымъ басомъ:

— Стадо-народъ... Чего отъ нихъ ждатель?... А ужъ вы тоже, Левъ Адольфовичъ! Только бы вамъ соорудить дурака изъ каждаго человѣка...

— Развѣ я строю, Максимъ? — звенѣль тритоннымъ смѣхомъ своимъ Вендль. — Сами строятся... Я только произвожу опыты. Глупость и пошлость тутъ сами прутъ изнутри. Я только готовлю формы, да подставляю ихъ подъ кранъ. Какую форму ни поставь, сейчасъ же полна сверхъ краевъ. Развѣ же не смѣшно? Максимушко! другъ единственный! Знаешь, что я тебѣ скажу! Придумаль я...

— Мало ль у васъ придумокъ, — усмѣхнулся въ бороду свою Максимъ.

— Собственно говоря, я вру. Собственно говоря, не придумаль, но вычиталь въ книжкѣ Эдгара По. Помнишь, мы однажды пили портвейнъ, и я читаль тебѣ

вслух «Падение дома Ашеро́в» — о братѣ, который нечаянно похоронил живую свою любимую сестру? Такъ вотъ этого же самаго писателя... Слушай, Максимъ! Давай — въ слѣдующемъ мѣсяцѣ — обвалюся въ пакль и шерсти и въ этомъ самомъ вотъ фазтонѣ... или нѣтъ! чортъ съ нимъ! лучше съѣдимъ въ имѣніе къ Фальць Фейну и купимъ пару ѣздовыхъ страусовъ. Такъ больше стила: выѣдемъ двумя обезьянами, въ шерсти и паклѣ, на одноколкѣ, запряженной парой страусовъ.

— Эка васъ разбираетъ!

— Да вѣдь ты пойми, — завизжалъ Вендль, — ты пойми же, Максимъ: вѣдь — черезъ недѣлю послѣ того, ну, много двѣ недѣли, — въ городѣ не останется ни одного человѣка: однѣ обезьяны будутъ ходить... въ шерсти и паклѣ... однѣ обезьяны! Вѣдь это же надо будетъ умереть со смѣха.

— Полиція, чай, не позволить, — возразилъ Максимъ.

— Да, вотъ, развѣ что полиція! — пожалѣлъ Вендль.

Смѣясь и качая головою, вышелъ онъ, маленькій, горбатенькій, изъ экипажа и пошелъ къ калиткѣ каменныхъ, съ облупившеюся штукатуркою, воротъ, надъ которыми еще виднѣлись постаменты разрушенныхъ львовъ. Толкнулъ калитку ногою и, по кирпичному выбитому тротуару, направился, хромая, къ дворовому крыльцу того стараго, длиннаго, казарменнаго дома... Было оно съ навѣсомъ и сѣнцами, точно опущенная крыша громаднаго старомоднаго тарантаса.

Вендль давно зналъ, что въ этомъ домѣ не звонятъ и не стучать, а прямо входятъ, кто къ кому изъ обитателей пришелъ, ибо двери никогда не заперты, и обитателямъ рѣшительно все равно, когда, кто и какъ ихъ застанетъ. Изъ передней, гдѣ, на ворохѣ наваленнаго платья, весьма сладко спала довольно неприглядная дѣвчонка-подгорничная, которую приходъ гостя нисколько не потревожилъ, Вендль осторожно, изъ-за дверной притолоки, стараясь быть невидимымъ, заглянулъ въ залъ, откуда слышался бодрый шумъ юныхъ голосовъ, взрывы молодого хохота. Съ дюжину молодыхъ людей — студенты въ тужуркахъ, молодые военные, офицеры и вольноопредѣляющіеся, въ дешевыхъ мундирахъ, барышни, похожія на курсистокъ и начинающихъ драматическихъ актрисъ, — сумерничали въ папиросномъ дыму вокругъ стола съ самоваромъ... Одинъ — длинноногій, не мундирный, въ очкахъ — влѣзъ на столъ и, съ серьезнымъ лицомъ жреца, отправляющаго таинство, зажигалъ висячую лампу-молнію, стически вынося отпѣху со стороны двухъ, не весьма красивыхъ дѣвицъ, которыя дергали его за ноги. Вендлю захотѣлось войти въ веселый кругъ рѣзвой молодежи. Но онъ вспомнилъ, что сейчасъ онъ пріѣхалъ въ этотъ домъ по серьезному дѣлу и, слегка вздохнувъ про себя, постарался остаться незамѣченнымъ и заковылялъ изъ передней не въ залъ, но въ длинный бѣлый коридоръ, опять таки говорившій не столько о жилищномъ семейномъ домѣ, сколько о больницѣ или арестантскихъ ротахъ, либо казенномъ пріютѣ, что ли, какомъ нибудь для матросскихъ или солдатскихъ сиротъ.

Миновъ двѣ затворенныя двери, Вендль остановился у третьей и, на этотъ разъ, постучалъ. Отвѣта не послѣдовало, но, когда Вендль терпѣливо постучалъ во второй разъ, дверь распахнулась, и, на порогѣ ея, въ сильномъ бѣломъ свѣтѣ ацетиленовой лампы, появился самъ хозяинъ этого длиннаго, стараго, скучнаго дома — Симеонъ Викторовичъ Сарай-Бермятовъ. Нахмуренный и недовольный, что его потревожили, съ привычною сердитою складкою между густыми брова-

ми, какъ черными пивками, на желтомъ лбу желчнаго, сорокалѣтняго лица, онъ нѣсколько прояснился, узнавъ Бендля. Черные, безпокойные глаза повеселѣли. Замѣтно было, что этотъ сухошавый, средняго роста, стройный брюнетъ когда то былъ очень красивъ, да еще и сейчасъ можетъ быть красивъ, если захочетъ, — несмотря на начинающую свѣтиться со лба лысину. Черты лица сухи, но благородны и почти правильны; только легкая расширенность скулы выдаетъ старую примѣсь татарской крови. Голова на широкихъ плечахъ сидитъ гордо и мощно, движенія тѣла, въ красивомъ и изящно сшитомъ темно-синемъ, почти черномъ костюмѣ, смѣлы, сильны и гибки. Словомъ, былъ бы молодцомъ хоть куда, лишь бы избавились глаза его отъ тревожнаго выраженія не то гнѣва, не то испуга, точно человекъ этотъ — не то обдумываетъ преступленіе, не то только что сейчасъ укралъ у сосѣда часы и ищетъ въ каждомъ новомъ лицѣ сообщника, какъ бы ихъ спрятать. Подъ гнетомъ же этого выраженія, лицо Симеона Сарай-Бермятова производило довольно отталкивающее впечатлѣніе, особенно, когда правую щеку его начиналъ подергивать нервный тикъ. Подъ острымъ, пронзительнымъ взглядомъ его, принимавшимъ, по мѣрѣ его любопытства къ разговору, почти лихорадочный блескъ, становилось неприятно и тяжело, такъ что долгой бесѣды съ Симеономъ Сарай-Бермятовымъ никто почти не выдерживалъ. Въ обществѣ губернскомъ этотъ господинъ далеко не пользовался любовью. Вендль, одинъ изъ немногихъ, умѣлъ приблизиться къ этому непривѣтливому, нелюдимому, съ темною душою, существу. И Симеонъ Сарай-Бермятовъ тоже, по своему, любилъ Вендля, вѣрилъ ему, насколько умѣлъ, и почти всегда былъ радъ его видѣть.

Комната, въ которую Симеонъ ввелъ Вендля, была довольно неожиданна въ такомъ старомъ, некрасивомъ и облупленномъ снаружи домѣ, ибо наполняла ее не только большой и умѣлый, со вкусомъ сдѣланный, кабинетный комфортъ, но было даже не безъ претензій на хорошую дорогую роскошь... Вендль сразу замѣтилъ, что хозяинъ не весьма въ духѣ, и, какъ опытный врачъ этой мрачной души, сейчасъ же принялся «разрѣжать атмосферу». Медленно снимая армякъ свой, — онъ неугомонно звенѣлъ тритоннымъ своимъ смѣхомъ.

— Извини, Симеонъ Викторовичъ, что я вхожу въ твоё святилище въ этой хламидѣ. Но — откровенно говоря: вестибюль вашъ въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что страшно оставить тамъ верхнее платье. Во первыхъ, ваша дѣвственница — какъ ее? Марѳутка? Михрютка? — имѣетъ обыкновеніе избирать пальто гостей ложемъ своихъ отдохновеній. Это еще не такъ важно, но дѣвственница — чудовище признательности. Всякій разъ, что она выпитя на моемъ плащѣ, она непременно, въ благодарность, оставляетъ въ немъ двухъ-трехъ клоповъ. А они потомъ выползаютъ здороваться съ публикою въ самые неожиданные моменты, нисколько не заботясь, кстати они или нѣтъ. Въ послѣдній разъ было на скетингѣ, — третьяго дня, благотворительный праздни-къ въ пользу новорожденныхъ глухонѣмыхъ. Подлецъ выползъ на воротникъ и непременно желалъ, чтобы я его представилъ генераль-губернаторшѣ, съ которою я велъ эстетической разговоръ о превосходствѣ Брюсова надъ Блокомъ. Если бы, не мое израильское происхожденіе, оно еще куда бы ни шло. Клопъ на россиянинѣ, — на тебѣ бы, напимѣрь, — это что-то даже стильное, патріотическое, истинно-русское. Но клопъ на нашемъ братѣ, жидо-масонѣ, это уже вызывающая претензія, персонажъ изъ буренинскаго фельетона. Загѣмъ: у васъ бывая,

каждый раз надо опасаться, что назад придется ъхать, вмѣсто своего платья, въ попонѣ или одѣялѣ. О такой мелочи, какъ калоши, я уже не говорю. Твои собственные, кожаные, по ногѣ, непременно должны исчезнуть неизвѣстно куда, а тебѣ, взаимнѣ, останутся неизвѣстно чьи резиновые дранья, одна съ литерой Д, а другая съ литерой О, которую, однако, надо почитать за Ю, потому что это, видите ли, у нея только палочка и хвостикъ отвалились отъ древности...

— Да, — отвѣчала съ досадою Симеонъ. Голосъ у него былъ глухой и мрачный, говоръ отрывистый, быстрый, угрюмо-вдумчивый, — скрытной и одинокой мысли голосъ. — Ты, къ сожалѣнію, правъ. У насъ вѣчный хаосъ. Безобразный и непристойный. А ужъ теперь, когда Аглая и ея вѣрная Анюта скитаются по пригородамъ, выискивая дачу, исчезъ послѣдній порядокъ, и повсюду въ домѣ совершенный цыганскій таборъ или даже адъ. Садись, пожалуйста.

Онъ пододвинулъ Вендлю кресла, въ мягкой кожѣ которыхъ тотъ, съ удовольствіемъ усталости, утопилъ горбъ свой. Оглядывая знакомую обстановку, Вендль остановилъ глаза на обновкѣ: великолѣпномъ книжномъ шкафѣ, еще безъ книгъ, краснаго дерева, въ стилѣ empire, съ бронзовыми колонками и каріатидками ручной работы, поддерживающими углы верхняго и средняго карниза.

— Ба! новый шкафъ?

— Новый.

— Хорошая вещь. Я третьяго дня на выставкѣ видѣлъ подобную модель.

Симеонъ съ довольнымъ видомъ осклабилъ, между черными, будто нарисованными, усами и такою же, чуть сѣдѣющею бородкою а І'Henri IV, два серпа превосходныхъ бѣлыхъ зубовъ, острыхъ, сильныхъ, волчьихъ. Онъ былъ польщенъ, что Вендль, знатокъ въ вещахъ такого рода, одобряетъ его покупку.

— Да это та самая модель и есть, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Когда покупалъ, мнѣ говорили, что ты хвалишь. Потому и купилъ.

— Тысяча?

— Тысяча сто пятьдесятъ.

Вендль съ уваженіемъ склонилъ голову.

— Деньги-съ!

Симеонъ бросилъ на него подозрительный взглядъ, точно вдругъ усумнился въ искренности похвалы, и буркнулъ, нахмурясь:

— Пора и мнѣ пожить въ свое удовольствіе.

Вендль, улыбаясь, закурилъ сигару.

— Разумѣется... Отдыхай, братъ, отдыхай!.. Ты теперь, въ нѣкоторомъ родѣ, покоишься на лаврахъ... Сегодня былъ я у Эмилиі Ѳедоровны. Говорила, что можно поздравить тебя съ окончаніемъ всѣхъ хлопотъ?

Симеонъ гордо выпрямился — такъ, что даже сталъ казаться большого роста:

— Да. Завѣщаніе дяди окончательно утверждено.

— Процессъ, значить, больше не грозитъ?

— Да, господинъ Мерезовъ остался съ носомъ.

— Удивительно это все!

Симеонъ посмотрѣлъ на него мрачными глазами, опять сдѣлался антипатиченъ и некрасивъ, уменьшился въ ростѣ и проворчалъ:

— Ничего нѣтъ удивительнаго,

— Ну, нѣтъ, Симеонъ, не скажи. Удивительнаго много. Въ клубѣ до сихъ поръ не хотять вѣрить, что все досталось тебѣ.

— Потанцовать я вокруг дяденькина одра то! — угрюмо возразил Симеонъ.
— Да, — но Мезеровъ быть фаворитъ, а васъ, Сарай Бермятовыхъ, покойникъ терпѣть не могъ, это всѣ знали.

Симеонъ поднялъ на Вендль взглядъ — торжествующій, ясный, ястребиный взглядъ хищника, зажавшаго въ когтистыя лапы свои неотъемлемую добычу.

— Вольно же дураку Мезерову, когда богатый дядя умираетъ, рыскать гдѣ то тамъ въ Монтекарло или по парижскимъ бульварамъ.

Вендль невольно отвелъ глаза. Жесткій, холодный взглядъ, тяжелый, хладнокровно ненавистный голосъ нехорошо давилъ на его мягкую добродушную натуру. Презрѣніе этого грубаго побѣдителя къ простосердечному побѣжденному оскорбило его деликатность. Ему захотѣлось слегка наказать злые глаза за жестокость, голосъ за спокойствіе торжествующей ненависти.

— Обставился ты недурно, — насмѣшливо сказалъ онъ, — но одной вещицы у тебя въ кабинетѣ не хватаетъ.

— Именно? — насторожился Симеонъ.

— Хорошаго портрета Эмилиі Ѳедоровны Вельсь. Я бы, на твоемъ мѣстѣ, стѣнной заказалъ и рядомъ съ иконами его во весь ростъ въ кіотъ поставилъ.

Всѣ эти ироническія слова Симеонъ выслушалъ совершенно невозмутимо.

— Не спорю, подрадѣла она мнѣ вояжемъ своимъ, — равнодушно согласился онъ.

— А это правду рассказываютъ, — поддразнивалъ Вендль, — будто на вояжъ этотъ ты ей денегъ далъ, лишь бы она увезла Васю Мезерова?

Симеонъ такъ же равнодушно поправилъ:

— Не далъ, а досталъ. Это я теперь могу давать, а тогда нищій былъ. Она просила, я досталъ. А кто куда за чѣмъ хвостомъ треплется, я знать не обязанъ.

— Да теперь и не все ли равно? — усмѣхнулся Вендль. — Побѣдителей не судятъ.

Симеонъ стоялъ у письменнаго стола, выпрямившись съ видомъ гордымъ и мрачнымъ, какъ вызывающій борець, который знаетъ, что публика его не любитъ и охотно ждетъ его поражения, но ему все равно: онъ знаетъ свои силы и пойдетъ на арену бороться, на зло всѣмъ имъ, этимъ недоброжелающимъ.

— Я человѣкъ, можетъ быть, грубый, но прямой, — сказалъ онъ наконецъ. — Скрывать не хочу и не стану. Конечно, наслѣдство я фуксомъ взялъ. Завѣщаніе въ мою пользу дядя написалъ со зла, подъ горячую руку, когда Мезеровъ ужъ очень взбѣсилъ его своимъ безпутствомъ.

Вендль смотрѣлъ на него съ участіемъ.

— Ты пожелтѣлъ и тебя какъ-то дергаетъ, — замѣтилъ онъ.

Симеонъ пожалъ плечами.

— Любезный мой, — тономъ даже какъ бы хвастливаго превосходства возразилъ онъ, — я продежурилъ нѣсколько лѣтъ, а послѣдніе слишкомъ два года почти безвыходно, при больномъ, свирѣпомъ старичишкѣ на положеніи только что не лакея. Это не сладко.

— Особенно при твоемъ характерѣ.

— Каждый день, каждый часъ я дрожалъ, — говорилъ Симеонъ, и голосъ его, въ самомъ дѣлѣ, дрогнулъ на словахъ этихъ, — что дядя смѣнитъ гнѣвъ на милость, и господинъ Мезеровъ пуститъ меня босикомъ по морозу.

— Я не выдержалъ бы! — улыбнулся Вендль. — Чертъ и съ наслѣдствомъ!